

Малика Ферджух

ТОЛЬКО  
на  
ЛИТРЕС

# МЕЧТАТЕМ БРОДВЕЯ

ужинскэри  
гран-  
гитом



Компасгид  
издательство

**Малика Ферджух**  
**Мечтатели Бродвея. Том**  
**1. Ужин с Кэри Грантом**  
Серия «Мечтатели Бродвея», книга 1

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=52241646](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52241646)*  
*Мечтатели Бродвея. Том 1. Ужин с Кэри Грантом: КомпасГид;*  
*Москва; 2020*  
*ISBN 978-5-907178-47-2*

### **Аннотация**

О Нью-Йорк! Город-мечта. Город-сказка. Город-магнит для всякого искателя приключений, вдохновения и, что уж там, славы. Он притягивает из далекой Франции и 17-летнего Джослина – где же еще учиться музыке, как не на родине джаза! Кто знает, может быть, сойдя с корабля на американскую землю, он сделал первый шаг к успеху на Бродвее?.. А пока молодому парижанину помогают освоиться в Новом Свете очаровательные соседки, тоже мечтающие покорить Нью-Йорк. Каждую привела в город своя история: танцовщица Манхэттен идет по следам семейной тайны, модель Шик грезит о роскошной жизни, актриса Пейдж ищет настоящую любовь, а продавщица Хэдли надеется снова встретить человека, который однажды изменил ее судьбу. На дворе 1948 год, послевоенный мир полон новых надежд и возможностей. Кажется, это лучший момент, чтобы

сделать стремительную карьеру на сцене или в кино. Чтобы сочинить песню или написать роман. Чтобы влюбиться или найти друзей навек. Чтобы танцевать, веселиться и до поры до времени не задумываться, что кто-то из беззаботных приятелей и подруг ведет двойную жизнь. Наслаждаться молодостью и не обращать внимания на плакаты протестующих студентов и газетные заголовки о шпионах в Голливуде. Французская писательница Малика Ферджух (родилась в 1957 году) – автор десятков популярных романов для детей и подростков, лауреат престижной премии «Сорсьер» (Prix Sorcières). До того как заняться литературой, она изучала историю кино – неудивительно, что трилогия «Мечтатели Бродвея» получилась романтической, как «Завтрак у Тиффани», пронзительной, как «Весь этот джаз», и атмосферной, как фильмы Вуди Аллена. Прекрасный перевод Нины Хотинской сохранил на русском языке все обаяние оригинала. От книги невозможно оторваться – ставим ужин с Кэри Грантом!

# Содержание

Действующие лица	6
1948. Под самый Хэллоуин...	9
1	10
2	33
3	42
4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	67

# Малика Ферджух

## Мечтатели Бродвея. Том

### 1. Ужин с Кэри Грантом

*Кузине-скайе Анни Саварен (Саварен Одна  
Такая!) под огнями мюзик-холла*

Иллюстратор Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Автор обложки Алена Зайцева

Редакция благодарит Бориса Михайловича Фрумкина за  
консультацию при подготовке русского издания

Originally published under the title Broadway Limited T. 1.  
Un dîner avec Cary Grant. Written by Malika Ferdjoukh

© 2015 l'école des loisirs, Paris

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.  
ООО «Издательский дом «Тинбук», 2020

# Действующие лица

**В ПАНСИОНЕ «ДЖИБУЛЕ»,  
ЗАПАДНАЯ 78-я УЛИЦА, НЬЮ-ЙОРК**

*Сестры, хозяйки пансиона*

**Миссис Селеста Мерл**

**Артемисия**

*Горничные*

**Истер Уитти**

**Черити**

*Их жильцы*

**Джослин Бруйяр**, студент, француз, пианист

**Манхэттен (Венди Балестреро)**, танцовщица

**Хэдли Джонсон**, танцовщица, сигарет-гёрл<sup>1</sup>, продавщи-

ца пончиков

**Пейдж Гиббс**, актриса

**Шик (Фелисити Пендергаст)**, модель, «золотоиска-

---

<sup>1</sup> Сигарет-гёрл (*англ.* cigarette girl) – девушки в кафе, клубе, продающие сигареты, сигары, подающие зажженную спичку или зажигалку курильщикам. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

тельница»<sup>2</sup>

**Эчика Джонс**, актриса

**Урсула Келлер**, певица

**Огден** (два года), племянник

**Бетти Грейбл**, кошка

**Мэй Уэст**, тоже кошка<sup>3</sup>

**№ 5**, тихий песик

**Джилда**, четырехместный двухдверный «шевроле»

**Дидо и Просперо Беззеридес**, соседка и ее папа

## **В КЛУБНОМ РЕСТОРАНЕ «ПЛАТИНУМ»**

**Ванда**, сигарет-гёрл 1

**Пегги**, сигарет-гёрл 2

**Милтон Тореска**, их хозяин

## **В НОЧНОМ КЛУБЕ «РУБИНОВАЯ ПОДКОВА»**

**Юдора Флейм**, певица и танцовщица, исполнительница экзотических танцев

**Лью**, постановщик

**Майк Ониен**, хореограф

---

<sup>2</sup> «Золотоискательница» (*англ.* gold digger) – здесь: охотница за деньгами, за богатым женихом.

<sup>3</sup> В пансионе «Джибуле», где живут будущие звезды сцены и экрана, даже кошки носят имена кинозвезд.

**Мэнни, пианист**

## **ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ, ВОЗДЫХАТЕЛИ И ПРОЧИЕ ВЕРНЫЕ РЫЦАРИ**

**Эддисон Де Витт**, критик в «Бродвей спот»; **Аллан Конигсберг**, начинающий гений; **Арлан**, солдат; **Космо Браун**, «золотой мальчик» в поиске; **Эрни Калкин**, он же **Пробка**, бездарный танцор; **Джей Джеймсон Тайлер Тейлор**, он же **Джей Джей**; **Люк**, герой-любовник в театральной школе; **Нельсон Джулиус Маколей**, воздыхатель из далекого прошлого; **Рубен Олсон**, секретарь звезды; **Скотт Плимpton**, скорая помощь; **Силас**, он же **Дриzzл**, виртуоз укулеле; **Ули Стайнер**, звезда; **рассыльный** компании «Федерал Раш»; **Уайти**, осветитель на Си-би-эс.

### **Приглашенные звезды**

**Кларк Гейбл**, **Марго Ченнинг**, **Клифтон Уэбб**, **Джеймс Стюарт**, **Грейс Келли**, **Вуди Аллен**, **Дин Мартин**, **Джерри Льюис**, **Рональд Колман**, **Сара Воан...**

# 1948. Под самый Хэллоуин...



# 1

## Begin the Beguine<sup>4</sup>

Дверь молодому человеку открыла девушка. Рой красных листьев влетел с порывом ветра в дом, точно стайка ведьмочек дождалась своего часа.

Девушка была черненькая и, кажется, улыбалась. Трудно сказать с уверенностью: изрядной величины розовый пузырь жевательной резинки закрывал половину лица. Молодой человек услышал, как что-то булькнуло, – возможно, это было «да?».

– Добрый вечер.

Он крепче сжал ручку чемодана и поднялся на пять из семи ступенек крыльца, где кучи таких же листьев по углам, похожие на толстых рыжих котов, терпеливо ждали дворника. Он поставил чемодан, сложил карту города, которую держал в другой руке, – на ветру это удалось с трудом – и спрятал ее в карман *дафлкота*<sup>5</sup>.

– Это пансион «Джибуле»?

---

<sup>4</sup> «Начинается бегин» (*англ.*) – песня Коула Портера, также известная как «Начало танца». Все заглавия в книге – это названия музыкальных произведений, популярных в то время. Подробнее о композициях см. в приложении. Бегин (бегуэн) – латиноамериканский танец. – *Примеч. ред.*

<sup>5</sup> Дафлкот (*англ.* duffle coat) – укороченное шерстяное пальто с капюшоном, большими накладными карманами, продолговатыми пуговицами-«клячками» и накладными петлями.

Его внимание привлёк внезапный шум в саду справа, за железной оградой. Чей-то силуэт вынырнул откуда ни возьми, скорее всего прямо из клумбы хризантем. Юноша в жизни не видел таких огромных хризантем... и даже представить себе не мог, что в них может спрятаться человек.

Пригибаясь под порывами ветра, фигурка, закутанная в меха орехового цвета, скачками продвигалась к дому. Она помедлила, заметив его, и прижала палец к губам.

– Это пансион «Джибуле»? – повторил он, обращаясь к брюнетке, так и рассматривавшей его на пороге (у другой, скрытницы в мехах, насколько он мог разглядеть, волосы были светлые, заплетенные в косы и уложенные вокруг головы). – Пансион миссис Селесты Мерл?

Розовый пузырь лопнул – *хлоп!* – и тотчас скрылся в карминном ротике. Подбоченившись, девушка перенесла вес на одну ногу, тихонько покачивая другой между двумя ступеньками. Кивком она указала на чемодан.

– Ставлю ужин с Кэри Грантом, у вас там нет свежей спаржи?

– ...

– Значит, вы не из лавки.

Поджав губки, она оглянулась через плечо, потом покосилась на пустую улицу, где только рыжие клены размахивали ветвями, точно возмущенные дивы на сцене.

Тем временем белокурая беглянка в мехах юркнула за толстый ствол, кажется, клена, обхватила его и начала караб-

каться. Из кармана шубки выглядывали туфельки на шпильках. Она была босиком.

– И всё-таки, это пансион «Джибуле»?

Выгнувшись – и заслонив вид на безрассудную фигурку, – его собеседница указала на табличку на фоне лиловой каменной стены.

Волосы девушки, подстриженные до середины ушей, дерзко завивались наружу.

– Что, не умеешь читать, а признаться стыдно?

Ногтем того же цвета, что и губки, девушка постучала по табличке.

– Пансион «Джибуле», – прочла она по слогам. – Д. Ж. И. Б. У...

– Читать я умею, – перебил ее молодой человек вполне миролюбиво. – Надо же было с чего-то начать.

Беглянка с белокурыми косами, забравшись на ветку, уже наполовину скрылась в окне первого этажа на уровне середины ствола. Пола ее шубки билась на ветру вызывающе, как пиратский флаг... Еще несколько секунд – и дом поглотил ее.

– Джибуле – это *French*, – заметила девушка на крыльце. – Ты тоже француз?

Она дунула вверх. Густая прямая челка на миг взлетела, открыв лоб.

– Ты в том месте, но не в то время. Сегодня среда.

Этот факт она констатировала со вздохом. Молодой чело-

век не стал спрашивать, при чём тут среда, ему хотелось скорее войти. Он взялся за чемодан. Сжимавшие ручку пальцы поднимались один за другим, опускались и поднимались вновь, словно играли на невидимых клавишах сонату.

– Нервничаешь? – спросила девушка, и в глазах у нее заплясали искорки смеха.

Он отметил, что глаза у нее синие. Отливающие разными оттенками.

– Есть повод, – продолжала она, выпятив губки, – если ты не принес спаржи для нашего Капитана Блая.

Ему внезапно не понравился ее смех. Он поднялся на оставшиеся ступеньки, споткнулся о две пузатые тыквы в углу у перил (и что только делают овощи на крыльце?).

– Кто такой Капитан Блай? – рискнул он поинтересоваться.

– Он укрощал мятежников на «Баунти». А я Фелисити. Для всех на свете просто Шик.

С этими словами, повернувшись на каблуках столь же грациозно, сколь и насмешливо, она впустила его в скупое освещенный холл.

Миновав вторую дверь и еще две ступеньки, покрытые ковровой дорожкой, молодой человек оказался в просторной гостиной, посреди маково-красного ковра и оживленного разговора.

– Для твоего же блага надеюсь, – шепнула ему (скороговоркой прямо в ухо) Фелисити-для-всех-на-свете-про-

сто-Шик, — что в твоём чемодане *всё-таки* найдется спаржа.

Ее слова так походили на угрозу, что он и сам от всей души этого пожелал. Увы, кому, как не ему, было знать содержимое его чемодана: три рубашки, смена белья, нотная тетрадь, брюки, нуждавшиеся в глажке, туалетные принадлежности, экземпляр «Тома Джонса» Филдинга и карманный словарь, англо-французский и франко-английский в одном томе.

*Тамс!* —

громовым голосом пророкотал кто-то невидимый. —

*Лучший друг вашего желудка! Скажи изжоге  
прощай!*

*Десять центов в любой аптеке. Остерегайтесь  
подделок!*

И артиллерийским залпом оркестр грянул свинг.

Никогда в жизни юноша не видел такой огромной радиолы. Если бы можно было заглянуть внутрь, он бы вряд ли удивился, обнаружив там удобно разместившийся джаз-оркестр Бенни Гудмена в процессе записи.

Еще один голос, на сей раз из жизни, точнее, из угла комнаты, обратился к нему:

— Входи же! Тебя здесь не съедят... По крайней мере, пока не познакомятся поближе.

*Тамс и Эн-би-си приглашают!*

*Сегодня вечером новая серия вашего любимого*

*сериала*

*«Свидание с Джуди»! В роли Джуди...*

Молодой человек застыл, прижимая к поле дафлкота свой чемодан без спаржи.

– Не стесняйтесь. Решительно, нам с вами суждено поближе познакомиться... Почему бы не начать прямо сейчас?

Девушка, вышедшая из полутемной ниши, – в пушистой кофточке, голова замотана полотенцем, островки кольдкрема на носу и подбородке – решительным шагом направлялась прямо к нему. Щелчком поправив на носу очки, она протянула ему руку с растопыренными пальцами.

– Привет, меня зовут Манхэттен. С удовольствием бы вас поцеловала, но я мокрая, только что вымыла голову.

Она крутанулась, словно танцуя, в сторону музыкального шкафа. Шик сплюнула жевательную резинку в пепельницу и показала пальцем на свою кольдкремовую подружку.

– На прошлой неделе у Манхэттен были мозги. Она променяла их на пергидролевые волосы.

Манхэттен вырубил Бенни Гудмена и отвернулась к овальному зеркалу, рассматривая свою измазанную мордашку.

– ...А это Хэдли, – продолжала Шик.

Ее он до сих пор не замечал. Сидя по-турецки на пуфе у камина, где языки пламени подбирались к незадачливому полену, упомянутая Хэдли держала в обнимку круглую тыкву и выковыривала из нее мякоть острием огромного, очень

похожего на саблю ножа. Не поднимая головы, она удостоила его движением руки – нечто среднее между взмахом крыла и прострелом плеча. Очевидно, это было приветствие, и молодой человек вежливо поздоровался.

Шик маршевым шагом пересекла гостиную и включила радиолу, тем самым позволив узнать, что Джуди из сериала не в чем пойти на Хэллоуин со своим женихом Делмером и у нее осталось девять минут, чтобы раздобыть карнавальный костюм.

– Добрый вечер, – отважился молодой человек. – Меня зо...

– Шик? Ты еще не одета? – осведомилась Манхэттен. – Я думала, тебя сегодня пригласил Ромео.

– *No, signora.* С Ромео у меня *finito*.

– Третий разрыв за четыре месяца, – пробормотала себе под нос Хэдди. – И почему же на этот раз? – спросила она вслух.

– Ха! – фыркнула Шик. – Если бы парни так радовали, как палантин из розовой норки...

– Расскажи-ка нам! Со всеми подробностями, пожалуйста.

Все обратились в слух.

– Ох, все они одинаковы, – вздохнула Шик. – Только галстуки меняются.

– Он с тобой порвал? Или ты с ним?

– Добрый вечер, – повторил погромче молодой человек. –

Меня зовут Дж...

– Уважающая себя девушка должна порвать немедленно, если ухажер дарит ей рожок для обуви!

– Рожок для обуви? Ромео подарил тебе рожок для обуви?

– Из чистого серебра. Тяжелый, как чушка. Я отказалась, а вы как думали? У меня есть принципы.

– Зря, могла снести его в ломбард. Хватило бы на палантин из розовой норки.

– На первых свиданиях Ромео дарил мне фиалки.

– Ну, когда понадобится надеть лодочки, фиалки тебе точно не пригодятся, – заметила Манхэттен.

На мраморной каминной полке красовалась тыква, скромного размера, зато с зубастой улыбкой, она отбрасывала дрожание отсветы на полосы обоев. Пустая тыква со свечой внутри? Какая же загадочная связь существует у американской демократии с бахчевыми культурами?

Внезапно всё вокруг – эта гостиная, этот пансион, маковый коврик, малопонятная болтовня трех девушек, оркестр, свинг, светящиеся тыквы, радио, дурацкий радиосериал и всё остальное – показалось молодому человеку абсурдным и поистине чудесным.

Он улыбнулся. Вот он и в Америке.

– Добрый вечер. Меня зовут...

– Кто-то звонил?

Хлопнула дверь, и в гостиной появилось новое лицо. Крупная женщина на ходу вытирала большие черные руки о

светло-голубой передник, в который были упакованы ее бедра.

– Прекрасный Принц. Я сама ему открыла. Истер Уитти, – представила ее Шик. – Она здесь якобы убирает. На самом деле, когда пыль уже нельзя не заметить, просто гасит свет.

Истер Уитти окинула гостя оценивающим взглядом.

– Вы принесли мне свежую спаржу для Дракона?

Шик опередила его.

– Проголодалась я от этих разговоров. Что-нибудь осталось в леднике?

– Лед для похмельной головы и муравьи.

Молодой человек опустил чемодан на пол.

– Меня зовут Джослин Бруйяр, я новый жилец, и я не привез, увы, никакой спаржи, – выпалил он единым духом.

Так уж повелось, следовала пауза, когда он называл свою фамилию. Во Франции он к этому привык – смешно называться Туманом<sup>6</sup>. Но... здесь, в Нью-Йорке? По-английски «Бруйяр» вроде бы ничего не значит.

– Джос-*лин*?

Шик повторила имя так, как произнес его он сам, на французский манер.

– ...*ЛИН*? – прыснула Манхэттен, хотя, что касается имени, чья бы корова мычала.

В дальнем конце гостиной открылась дверь, и вошла четвертая девушка.

---

<sup>6</sup> Бруйяр (*фр.* brouillard) – туман.

– Мисс Фелисити? – позвала она. – Ваша ванна готова.

– Будь добра, принеси мне ее сюда, – рассеянно откликнулась Шик.

Тревожный звоночек тренькнул в мозгу Джослина Бруйяра. Словно не дающий покоя вопрос. Важный вопрос. Его мама называла это «Алиса увидела Белого Кролика»... Ну и в какую нору он бежал?

Тут перед ним встала Истер Уитти.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Джослин Бруйяр. Я приехал из Парижа.

Он рискнул улыбнуться, но улыбка вышла до того унылой, что получить такую в свой адрес ему самому не хотелось бы.

– А вас? Как вас зовут? – спросил он последнюю девушку.

– Меня... Чёрити, – ответила она с опозданием на такт, словно ей нужно было время подумать, и заправила в прическу крутой каштановый завиток, свесившийся на щеку.

Черити. В учебниках английского американок звали Джейн, Мэри, Энн, Эмили. Уж никак не Шик или Черити, не Истер Уитти и не Манхэттен. И даже не Хэдли – разве что у Хемингуэя.

Он скромно потупился. Если бы только поймать этого окаянного Кролика и улепетывающий с ним вопрос!

– Я сбегаяю за миссис Мерл, – предложила Истер Уитти тоном заботливой сиделки.

– Я сама!

Шик скрылась. Манхэттен поправила полотенце на голо-

ве.

– Берегите Землю и пароходы, – фыркнула она загадочно. – Чтобы не иссякли наши источники снабжения сильным полом.

– Ну, я пошла к плите, – сказала Истер Уитти.

Но уйти и не подумала. Она чего-то ждала, как ждут темноты, чтобы увидеть огни фейерверка.

– Выпьете что-нибудь? – приветливо улыбнулась она. – Девушкам миссис Мерл запрещает спиртное, но молодым людям... У вас, французов, наверно, свои вкусы?.. Ну же, говорите! – повысила она голос, скрывшись в стенном шкафу до завязок передника. – Осталась текила. Если с лимоном, текила – просто дар Божий. Как младенцы. Ну, я пойду...

И опять Истер Уитти никуда не пошла. Приближались чьи-то шаги.

– Миссис Мерл, нам надо сообщить вам кое-что, – почти кричала Шик (должно быть, хотела их предупредить) в холле.

Миссис Мерл была пока лишь китайской тенью в форме чайника на стене и радостным голосом.

– Спаржа! Не хотите же вы сказать, что нашли ее?

– Нет, миссис Мерл, не хотим сказать.

Отчего это все девушки тепло улыбаются ему? Так, наверно, улыбаются висельнику, поднимающемуся на эшафот.

Алисин Кролик высунул лукавую мордочку из норы... и в мозгу Джослина молнией вспыхнул чертов вопрос, с само-

го начала не дававшийся в руки. Он открыл рот и снова закрыл его.

Миссис Мерл оказалась дамой далеко за пятьдесят. Неумолимое время и рисовая пудра придавали маслянистую расплывчатость ее лицу, наверняка очень хорошему когда-то, да и сейчас еще вполне ничего. Платье, застегнутое на сотню крошечных пуговок, обнимало ее шею лиловым бархатом; выглядело это несколько старомодно, зато выгодно подчеркивало естественную мягкую рыжину пышной прически. Когда она подошла, протягивая руку, легкий аромат (*что-то из бабушкиного сундука?*) окутал Джослина.

– Селеста Мерл. Я управляю этим пансионом. Чем могу вам помочь?

– Джослин Бруйяр. Из Парижа. Я бронирую...

– Джос... лін? – повторила миссис Мерл. – Вы хотите сказать *Джослин*?

Она назвала его на американский манер, французы произносят так женское имя Джослина. Да нет же. Он не Джослина. Он Джослин. Вот только Джослин по-английски произносится как... Ладно, к черту. Алисин Кролик больше никуда не убежал, он уселся, посмеиваясь, рядом и наконец подсказал ему этот – неуловимый, но теперь вполне ясный – вопрос.

– Этот пансион... Здесь принимают только девушек?

Миссис Мерл отступила на шаг. Ее руки поднялись, собираясь прижаться к щекам, но передумали по дороге и упали.

– *Oh dear*<sup>7</sup>, ну да. *Исключительно* девиц. Выключите радио, Истер Уитти, пожалуйста. Я не слышу, что говорит мне этот милый молодой человек.

Милый молодой человек не произнес ни слова, но Истер Уитти повиновалась. Повисла гнетущая тишина.

– Как... как такое могло случиться? – выдавил он наконец. – Вы же получили мое письмо. Я объяснил вам, что я...

– Боже мой! Действительно, в письме было написано, что вы кузина мистера Стива О’Дэя.

*The cousin.* Ох уж этот дикий и безалаберный язык, это же надо свалить мужской и женский род в одну кучу!

– Сожалею. Я кузен Джослин. А не кузина Джослина.

– Ох... *dear, dear, dear...*

Одна рука, покинув щеку, указала на рамку под красное дерево, которую он не заметил, входя:

#### ПАНСИОН ДЛЯ ДАМ

Джентльмены, бойфренды, женихи (официальные и прочие) в комнаты, в коридоры и на лестничную площадку не допускаются.

В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ ЗА  
РАЗРЕШЕНИЕМ НА ВИЗИТ ОБРАЩАЙТЕСЬ  
В ДИРЕКЦИЮ.

Ротик какой-то шутницы приложил печать в виде поцелуя (помадой красивого смородинового цвета) с краю, как раз на

---

<sup>7</sup> О боже (*англ.*). В английском употребляется целый ряд восклицаний с таким смыслом: *oh dear, oh boy, oh gosh* и т. д. – *Примеч. ред.*

слове «комнаты».

– Я только что пересек Атлантику, – продолжал Джослин – он совсем приуныл и был близок к панике, – черт-те сколько проторчал в таможене, на паспортном контроле... В общем, уже поздно, а я знаю только один адрес в Нью-Йорке: ваш.

– О, что вы, на улице мы вас не оставим. Бедный мальчик. Куда же вы можете пойти? Я знаю очень милый отель на Западной 22-й улице, там наверняка есть места...

– Это совершенно невозможно! Я не могу пойти в отель! – Голос его сорвался. – Ни в какой отель я не собирался. Я приехал учиться в Пенхалигон-колледж. Стив О’Дэй указал мне ваш пансион...

Стив, американский муж его кузины Одетты – они поженились через пятнадцать месяцев после высадки союзников в Нормандии<sup>8</sup>, три года назад, – заверил его, что некая миссис Мерл, подруга его тети, держит *boarding house*<sup>9</sup> с очень скромными ценами. Очевидно, Стив не знал о его... скажем так, женской ориентации.

– Я написал вам от его имени. Вы согласились меня...

– Конечно, конечно... Но я тогда не знала, что вы *Джослин*. Понимаете?

Он сощурился: глаза заливал пот.

– А нет ли чего-нибудь равноценного? Я имею в виду

---

<sup>8</sup> Высадка в Нормандии – десантная операция США, Великобритании и Канады 6 июня 1944 года, позволила открыть второй фронт во Второй мировой войне.

<sup>9</sup> Пансион, меблированные комнаты со столом (*англ.*).

скромный пансион... для мужчин?

– Скромность и мужчины? – вздохнула Манхэттен. – Не оксюморон ли это?

– Лично я таких не знаю, – буркнула Черити.

– Гм, гм, – кашлянула Шик. – Если и есть такие пансионы, в них совсем не место ягненку вроде тебя.

– Миссис Мерл, – взяла слово Манхэттен, поправив большим пальцем очки. – Бедняжка проделал очень долгий путь. Нельзя ли всё-таки дать ему комнату на день или два? Он такой молоденький, совсем еще мальчик, он...

Такой трагизм звучал в ее голосе, что Джослин ожидал услышать в заключение «почти не мужчина».

– ...он никого не побеспокоит.

– Надо спросить, что скажет Артемисия, – решила Селеста Мерл.

Шик направилась к полкам будто бы за книгой; по дороге она тихонько шепнула Джослину:

– Ее сестра... Она же Капитан Блай. Она же Дракон!

Хэдли на пуфе снова принялась разделявать тыкву, от которой на время отвлеклась.

– С такими чудесными волосами, – проговорила она тонким голоском, вырезав в корке ряд острых зубов, – он не может не быть хорошим мальчиком.

Миссис Мерл вышла, с облегчением бормоча свои *dear, dear*. Поежившись под взглядами четырех девушек, Джослин почесал бровь.

– Я догадываюсь, что вы думаете, – вздохнул он.

– Надеюсь, что не догадываешься! – прыснула Шик.

Он устало рухнул в глубокое кресло с подлокотниками и по очереди посмотрел каждой в лицо. Написанное на них сочувствие плохо скрывало главное: каким развлечением стала для всех эта история.

– Вы смеетесь над глупым французом, который ошибся дверью.

– Ничего подобного! – весело воскликнула Манхэттен. – Шик! Кончай так улыбаться, будто только что кем-то поужинала.

– А все эти тыквы, – вдруг спросил он, – со свечами внутри... Зачем это?

– Хэллоуин, – коротко ответила Черити.

– Хэллоуин?

– День поминовения и праздник тыкв, – прошептала Хэдли. – Во Франции это, кажется, называется... *Туссён?*

– Туссён, День всех святых. Но я никогда не видел, чтобы во Франции носили тыквы на могилы.

– О, мы тоже не носим, – рассмеялась она. – Мы расставляем их дома, чтобы было светлее. Чтобы было теплее. Чтобы улыбаться, как бы ни было грустно.

От ее певучего голоса и веснушчатого личика неудержимо хотелось улыбнуться, как бы ни было грустно. И Джослин улыбнулся.

– Ну и попал же я в переплет, а? За шесть тысяч километ-

ров от дома.

– Мы что-нибудь придумаем.

– Вот только эту мисс Артемисию, похоже, трудно будет уговорить.

– Что да, то да, – согласилась Шик. – Старая гримза.

– В буфете еще есть текила, – напомнила сквозь зубы Истер Уитти. – Только смотрите, крепкая, жуть. Когда я в последний раз приложилась, неделю потом свою голову искала.

Звякнул колокольчик. Черити побежала открывать. В прихожей послышались голоса, и в сопровождении девушки на маковый ковер ступил мужчина в зеленом комбинезоне и такой же фуражке.

– У меня тут, – начал он, заглядывая в бумажку, – багаж для леди по имени *Джосселин Бролард*.

*Джосселин Бролард*. Джослин сдержал вздох. К этому придется привыкать.

– Это я.

Мужчина приподнял козырек фуражки и смерил его взглядом, в котором изумление сменилось жалостью.

– Видит бог, я тысячу раз проклинал моего старика за то, что он назвал меня Видмер Шламф, но не хотелось бы мне зваться *Джосселин*.

– А я довольна, что мой папаша назвал меня Истер Уитти, – отозвалась Истер Уитти. – Всё лучше, чем Видмер!

Мужчина вышел и вскоре вернулся, катя на маленькой тележке сундук. Отстегнув ремешки, он сбросил его на ковер.

И остался стоять, словно ждал чего-то.

Джослин наконец понял и поспешил достать из кармана монетку. К счастью, он сообразил обменять свои франки, сойдя с «Королевы Шарлотты», чтобы купить билет до Пенсильванского вокзала.

– Хоть бы Капитан Блай смягчилась, – вздохнула Хэдли. – Из-за этой спаржи она зла как сто чертей.

– Поверить не могу, что моя судьба зависит от пучка зелени!

– Каждую среду вечером подавай мисс Артемисии овощной суп, – изрекла Истер Уитти, со зловещим видом указав пальцем на люстру. – Но сегодня лавочник завез столько тыкв, что для других овощей не осталось места.

– Капитан Блай готова загубить невинную душу ради этого супа, – подтвердила Шик.

Хэдли поставила готовую тыкву на камин, зажгла вставленную внутрь свечу. Уже четыре светящиеся тыквы ухмылялись на мраморной полке. Джослин смотрел на них, хмурясь всё сильнее.

– Но только по средам, – улыбнулась Хэдли. – В остальные дни недели она не требует овощей и довольствуется младенцами.

На лестнице слышались шаги миссис Мерл, и она вошла в гостиную со сконфуженным видом.

– Моя сестра сказала, что не потерпит даже *мужского духа* в доме. Мне очень жаль, мой бедный мальчик. Таковы на-

ши правила.

– Может быть, я сам с ней поговорю? Попробую убедить ее, что не замышляю ничего дурного.

– Легче убедить Дж. Э. Гувера и его ФБР не шпионить за Америкой, – хихикнула Шик.

– Или удава станцевать степ.

– Не забывайте, Истер Уитти. Еще одна дерзость, и я буду вынуждена вас уволить.

– Вы меня двенадцать лет увольняете, миссис Мерл. Никого в Нью-Йорке столько не увольняют.

– Ладно... – уныло вздохнул Джослин. – Пойду попробую сунуться в этот отель.

– Оставьте сундук. Пусть побудет здесь, пока вы не устроитесь.

У двери он вдруг замешкался. Круто развернулся.

– Сундук. Я тут подумал... Моя мама... Может быть...

Опустившись на колени перед сундуком, он принялся лихорадочно расстегивать ремни. На глазах у всех поднял крышку и, волнуясь всё сильнее, стал вытаскивать содержимое.

Запрыгали по полу книги, посыпались партитуры, полетели свитера, из стопки пижам выпала упаковка шоколадных треугольников «Тоблерон», плюшевый олененок покатился кувырком и скрылся в куче одежды. Джослин вынырнул, победоносно подняв руки – в каждой была зажата стеклянная банка.

– Вот!

Он встал, потрясая банками, в которых плескалась густая жидкость.

– Я так и думал. А ведь я не хотел. Она настаивала... Говорила, чтобы не болталась в сундуке моя музыка, метроном, коробка с канифолью и всё такое, понимаете? Плюшевого олененка тоже она подсунула. И батончик. Она вообще-то боится, что я буду тосковать по дому. Или по ее стряпне. Или по всему вместе. Мама непревзойденная повариха и вечная наседка. Стоило мне отвернуться...

Ошеломленные девушки молчали. Тем более что говорил он по-французски, перемежая свою речь взрывами смеха в потолок.

– Кто не пробовал супов моей мамы, тому незнакомы радости жизни!

Манхэттен дотянулась до ближайшей банки, прижалась к ней носом, встряхнула, вызвав внутри маленький жирно-зеленый водоворот.

– Из спаржи? – спросила она, блеснув глазами за стеклами очков.

– Понятия не имею. Из лука-порея? Щавеля? Или спаржи, как знать?

– Хоть не из лягушек? – встревожилась Истер Уитти.

Прическа миссис Мерл колыхнулась, как вынутое из духовки суфле, когда она, в свою очередь, с надеждой понюхала банку, будто могла уловить запах сквозь стекло.

– Вы думаете? О, *dear, dear*. Тут что-то написано... Я без очков, и это, полагаю, по-французски.

Затаив дыхание, Джослин поднял банку к свету. Лампа отбросила на наклейку победный золотой луч.

– Мускатный орех, – прочел он, чуть запинаясь. – Сливки и... спаржа.

Он протянул банку миссис Мерл. Неужели материнское чутье и кулинарное волшебство Жанин Бруйяр смягчат Капитана? Сразят Дракона?

– Молодой человек, которому мамочка стряпает домашние супчики с мускатным орехом, не может быть варваром, – пропыхтела Селеста Мерл.

Истер Уитти взяла банку у нее из рук.

– Дайте мне адрес вашей мамы, я сама поеду во Францию поцеловать ей ноги! А видит бог, я ничего так не боюсь, как морской болезни. Есть шанс, что Дракон перестанет изрыгать пламя и даст нам спокойно прожить остаток этого окаян­ного дня.

Она ушла, крепко обняв банку, и ступеньки застонали под ее боевым шагом.

Откуда-то появилась кошка. Она была цвета гаражной ве­тоши, и, когда потерлась о брюки Джослина, оказалось, что ею же и пахла.

– Ты понравился Бетти Грейбл, – заметила Шик. – Еще очко в твою пользу.

Ждать пришлось довольно долго, и вот наконец вернулась

Истер Уитти, бодро печатая шаг и прижимая к груди банку... жидкости в которой чуть убавилось.

– Капитана окоротили! Капитану понравилось! Я сейчас же разогрею этот супчик, посланный нам небом по морю.

Вихрь восторга заколыхал бахрому абажура. Щеки миссис Мерл порозовели так, будто она целовалась с клоуном.

– Мисс Артемисия добавила еще кое-что, – продолжала Истер Уитти, принюхиваясь к драгоценному содержимому. – Она сказала...

– Она сказала?.. – пропела Хэдли, всадив нож в последнюю тыкву.

– ...что это волшебство и что в награду и в порядке исключения, коль скоро уже темнеет, и чтобы наш заморский гость, не дай бог, не счел Америку враждебной страной, он может остаться на эту ночь.

Сабля выпала из рук Хэдли и звякнула, приземлившись на пол.

– Она так сказала?! – воскликнули все хором.

– Значит, вы останетесь, не правда ли? Поужинаете и переночуете? – засуетилась миссис Мерл. – Вы окажете нам честь.

Джослин несколько раз глубоко вздохнул и ответил слабым голосом:

– А вы мне очень поможете. Спасибо.

Мысленно он расцеловал Жанин Бруйяр, непревзойденную повариху, маму-наседку, чуткую душу.

– Драк... мисс Артемисия хотела бы узнать, какой ингредиент дает привкус, *гм, вчерашнего дня и вечности* этому супу; это она так сказала, *вчерашнего дня и вечности*, я три раза попросила ее повторить.

– Морская болезнь? – предположила Шик.

– Материнская любовь? – вполголоса обронила Хэдли.

– Я спрошу у мамы рецепт, – пообещал Джослин.

Истер Уитти поспешно прибрала вторую банку, оставшуюся на столе.

– На следующую неделю! – заявила она. – Теперь нам обеспечены две среды в хорошем настроении.

– Вот только вам, мой мальчик, – продолжала миссис Мерл, – надо бы придумать имя, с которым будет, *гм, легче жить*.

– Какое? – спросила Манхэттен.

– Какое-нибудь очевидное, – сказала Хэдли.

– Чтобы сразу снимало всякую двусмысленность, – поддержала ее Шик, улыбаясь уголком рта.

– Уменьшительное, – подхватила Черити.

– ...Джо? – предложила Манхэттен.

– Оригинально! – поддела ее Шик.

– Джо Бруйяр... А что, красиво, – протянула Хэдли.

– Да-да! – воскликнула миссис Мерл. – Джо! Так всем будет ясно, что вы не... То есть что вы...

Она порозовела еще гуще. За нее договорила Шик:

– Мужского пола.

## 2

# The Gentleman Needs a Shave<sup>10</sup>

Комната на третьем этаже оказалась просторной, со скошенным потолком. Обои в цветочках – их лепестки походили на пальцы на ногах.

Пузатый комод в углу как будто нахмурился при виде гостя. Письменный стол у окна был двойником того, за которым Лорен Бэколл чесала коленку в «Глубоком сне».

Джослин сразу почувствовал себя хорошо.

Он развязал галстук, расстегнул воротничок, пощупал матрас. Пухлый, мягкий... Лучше не придумаешь. Одеяло пахло горячим утюгом, подушка – стиральным порошком. А когда он открыл окно, счастье переполнило его до краев.

Окно было, разумеется, американское: он поднял большую створку, и та слегка скрипнула. Он высунул наружу голову, потом плечи.

Жаркое, мощное дыхание нью-йоркского октября хлестнуло по лицу, взлохматило волосы. Внизу виднелись верхушки кленов, улица была пуста, растрепана ветром; перед ним раскинулся город, невидимый, он накатывал волнами отовсюду, спереди, сверху, плескался вокруг, урча, как сонный великан.

---

<sup>10</sup> Джентльмену нужно бриться (*англ.*).

Джослин слушал его несколько долгих минут, диву даваясь, что он здесь, в этом городе, о котором мечтал, и дышит в такт его дыханию; когда же он втянул голову обратно внутрь и повернулся, хмурый комод улыбался ему.

Юноша вытянулся на кровати, без сил от усталости и восторга, восхитительно расслабленный и полный счастливых мыслей.

Джо Бруйяр...

И правда неплохо.

Но одна мысль омрачала всё. Ему нельзя здесь остаться, это всё-таки стало жестоким ударом.

Ох, всё завтра. Завтра он будет готов встретить трудности, поищет кров. И работу тоже. А сегодня вечером у него есть постель, и хозяйка (смешное имя, Celeste Merle по-французски, получается, «небесный дрозд»!) что-то говорила об ужине... В дверь тихо постучали.

– Входите, миссис Мерл!

В проеме показалась белокурая головка.

– Добрый вечер. Открою вам тайну: я не миссис Мерл.

– Добрый вечер. В самом деле, похоже, вы не она. Кто же вы?

– Пейдж.

Зеленая вязаная юбка напоминала мох на стволе дерева, веселенький желтый корсаж был украшен рисунком из разноцветных капелек. На круглом воротничке красовалась брошь в виде зонтика. Милая осенняя картинка.

– Я помешала?

– Вовсе нет, входите.

Вслед за девушкой в комнату юркнула Бетти Грейбл и, вспрыгнув на стол, принялась рассматривать их искоса своими кошачьими глазами.

– Я узнал ваши косы, – сказал Джослин. – И вас узнал. Хоть сейчас на вас и нет меховой шубки. Это вы давеча крались через сад, как воришка. Я видел, как вы забрались на дерево и влезли в окно, ну точно как, гм... ну да, как воришка.

– Мне очень нравятся ваши глаза. Вы ничего не имеете против?

Он потер пальцами лоб, в надежде хотя бы скрыть – что еще поделаешь? – прихлынувшую к лицу краску.

Гостья решительно направилась к нему, замешкалась на полсекунды посреди комнаты, возможно, чтобы разглядеть его внимательнее или дать себе время на раздумье. Ее ножки были уже не босы, а в мягких туфельках. Она остановилась на волосок от верхней пуговицы Джослина, вздернув подбородок.

И тут произошло нечто невероятное. Она обняла его за шею и, сделав пируэт, опрокинулась навзничь. Он едва успел подхватить ее, и она, прильнув к нему, примостившись между его локтей, взяла его лицо в ладони, притянула к себе и пылко поцеловала в губы.

Бетти Грейбл тем временем решила, что пора умыться.

Джослин не шелохнулся – скорее бы отреагировало давешнее полено в камине. Брошка-зонтик колола ему плечо, но он не пытался высвободиться. Мелькнула мысль – очень быстро, – что это вполне логичное завершение нынешнего решительно сногшибательного вечера. Девушка отстранилась миллиметра на четыре.

– Мне очень нравятся ваши глаза, – повторила она с другой интонацией. – Вы ничего не имеете против? Черт, нет, еще раз... Мне очень нравятся ваши глаза, вы ничего не имеете против?

– Вам обязательно повторять это десять раз?

– Но я же репетирую! У меня завтра прослушивание. Это мой текст. Как тебе поцелуй?

Даже Бетти Грейбл прервала свой туалет, чтобы послушать, что он ответит. Прочистив горло, Джослин встал и открыл чемодан, чтобы прибегнуть к помощи своего двуязычного словаря. Он полистал его, задумался и ответил со всей искренностью:

– Непредсказуемый. Коварный. Трезвый. Дерзкий. С легким привкусом кока-колы и немного, э-э, рискованный.

С этим напитком он впервые познакомился во Франции: новоиспеченный кузен Стив О’Дэй дал ему однажды попробовать пенистый сироп цвета дрянного кофе. Стив называл это *кокой*.

– Коварный и дерзкий – это про меня! – улыбнулась Пейдж. – Трезвому я предпочла бы чарующий, зато непред-

сказуемый оценила. Повторим всю сцену сначала?

– Я вообще-то не особо люблю кока-колу, – соврал он (не хватало только, чтобы она осталась в выигрыше по всем статьям). – Только если очень хочется пить. И желательно со льдом.

Она отпрянула, широко раскрыв большие, в золотых искорках глаза.

– Я тебя обидел. Никогда себе не прощу.

Ее, однако, это, похоже, ничуть не задело.

– Но у меня завтра прослушивание, и мне надо репетировать, – вновь выдала она явно отрепетированную фразу. – Пьеса называется «Давай поцелуемся, Розалинда». Поцелуй фигурирует в названии, так что эта сцена ключевая, понимаешь?

– Понимаю.

– Так повторим ее? Включая... поцелуй?

– У меня одно условие.

– Наверняка приемлемое. Ты выглядишь джентльменом.

– Почему ты пряталась давеча в саду? Почему босиком?

Почему влезла в окно?

Девушка хихикнула.

– Я упражнялась. Розалинда, моя героиня в пьесе, возвращается домой через потайную дверь. Ее неожиданное появление дает толчок интриге. Понимаешь?

– Понимаю.

– Повторим сцену?

Он только и успел подставить руки. Снова она, сделав пируэт, оказалась между его локтей. Снова уперся в плечо колючий зонтик. Этот второй поцелуй получился еще натуральнее.

Джослин старался не думать о том, что впервые в жизни поцеловал девушку в губы. Да еще дважды! Пейдж откинула голову и прищурилась.

– Мне очень нравятся ваши глаза. – Она изменила интонацию и почти прошептала: – Мне очень нравятся ваши глаза, вы ничего не имеете против?

В дверь трижды постучали. Бетти Грейбл перестала вылизываться и застыла с поднятой лапкой. Дверь открылась, и вошла Шик.

– О господи, уже? Это точно француз!

Он поспешно выпустил из объятий начинающую актрису, и та вернулась в вертикальное положение, только косы на голове так и прыгали, потому что она залилась смехом.

– Джо... Тебя просят зайти перед ужином на верхний этаж.

– Меня? – поперхнулся он. – Перед ужином?

– Который будет на столе ровно в семь пятнадцать. При условии, что ты любишь фрикасе из почек. Здесь обязательно надо любить фрикасе из почек, *obligé*<sup>11</sup>. Истер Уитти готовит его четыре раза в неделю. А остальные три – пирог с почками.

---

<sup>11</sup> Обязательно (фр.).

– А кто живет наверху? – спросил он (хотя уже знал, какой услышит ответ).

– В вершинах гор живут драконы, – продекламировала Шик на шекспировский лад. – Вот и наш облюбовал себе последний этаж. Прямо над тобой.

Подмигнув, она скрылась за дверью. Пейдж разгладила складки юбки.

– У вас тоже красивые глаза, – выпалил он не раздумывая. И, чтобы комплимент не показался чересчур дерзким, поспешно добавил: – По-моему.

Белокурые косы склонились, коснувшись щек.

– О, я ничего не имею против!

Она повернулась на каблуках, шаловливо помахала ему через плечо и убежала в сопровождении сияющей чистотой Бетти Грейбл.

До ужина оставалось сорок пять минут, достаточно, чтобы принять душ. По дороге в комнату Черити показала Джослину дверь общей ванной в конце коридора на втором этаже.

– Там давно пора убраться, – извинилась она, – но вам, парням, чтобы привести себя в порядок, нужно меньше места, да и времени тоже, правда?

Он взял полотенце, рукавичку, расческу, мыло, несессер с бритвенными принадлежностями и баночку бриллиантина.

Вышел за дверь и вздрогнул: следом тенью кралась кошка. Не Бетти Грейбл, другая, полосатая, в точности под цвет серых обоев, она словно отделилась от стены.

– Не знаю, как тебя зовут, – сказал ей Джослин перед дверью ванной, – но лучше останься снаружи, хорошо? Особенно если ты тоже девочка.

И он запер дверь на крючок.

Помещение явно предназначалось не столько для водных процедур, сколько для наведения красоты. Здесь витали ароматы, разные во всех углах. На деревянном столике и многочисленных полках громоздились всевозможные щетки, пуховки, кисточки, лаки для волос и ногтей, таинственные шкатулочки, загадочные бутылочки, коробочки с пудрой и тюбики помады, выстроившиеся в ряд, точно арсенал крошечных снарядов. На веревке висели нейлоновые чулки и женское исподнее, вещицы одна другой изысканнее, иные вовсе непонятного назначения, от которых Джослин стыдливо отводил глаза.

Он постарался ничего не тронуть.

Без двадцати семь он был готов к встрече с Драконом.

Обойная кошка поджидала его в уголке коридора и молча последовала за ним. Мяукала вместо нее лестница.

Верхняя площадка оказалась самой темной, почти целиком загроможденной черным сундуком, покрытым скатеркой. На нее выходили три двери. Джослин наклонился к своей задумчивой новой подруге.

– Какая дверь, Обойка?

Обойка, выгнув спину, направилась прямо к двери, наполовину скрытой углом стены, и с важным видом уселась пе-

ред ней, как хозяйка, приглашающая гостя войти.

– Спасибо, Обойка. Ни дать ни взять паучье логово.

Он тихонько постучал. За дверью звякнуло стекло. Потом чей-то хриплый, но звучный голос произнес: «Входите». Обойка кивнула ему: мол, не робей. Джослин глубоко вдохнул, и, в сопровождении кошки, в комнату вошел уже Джо.

### 3

## Snug as a Bug in the Rug<sup>12</sup>

В комнате, освещенной одной только лампой Тиффани, было еще темнее, чем в коридоре. Точно, паучье логово.

– Ну? Чего вы ждете, молодой человек, представьтесь!

Джослин различил очертания кресла и утопающую в нем человеческую фигуру.

Он прочистил горло и в который уже раз за этот день повторил, что он Джослин Бруйяр и приехал из Парижа.

– Вы не так стары, чтобы успеть повоевать, но достаточно, чтобы войну пережить. Как это было там, во Франции?

Немного помолчав, он ответил:

– Меня отправили в деревню. Мне там нравилось, я очень любил животных.

На свет медленно выплыло лицо, как выплывает диапозитив из тени в центр проектора, старушечье лицо с кулачок между тяжелыми серебряными серьгами, в сетке морщин, в светлой пудре, два зеленых глаза ярко блестели на нем из-под угольно-черных ресниц.

Кошка забралась в кресло и замурлыкала.

– Его зовут Мэй Уэст.

– *Ego?*

---

<sup>12</sup> Уютно устроился (*англ.*).

– Ветеринары теперь не те, что были прежде. Как и многое в этом мире. Когда ошибку заметили, он уже отзывался на Мэй Уэст. Да и мы привыкли. Вы ее знаете?

– Мэй Уэст? Лично нет.

– А я знаю. Та еще пакостница.

Он сделал шаг. Еще один. Рука в митенке предостерегающе поднялась жестом генерала, останавливающего наступление врага.

– Дверь там, молодой человек!

– Но... мы же еще не поговорили.

– Я не прошу вас выйти. Выключатель рядом с дверью, поверните его.

Джослин отступил назад, пошарил по стене и включил свет.

Люстра будто разбудила чудовищный хаос: в сравнительно небольшой комнате теснились кипы книг, всевозможная мебель, большая и маленькая, безделушки, стулья и кресла и, наконец, обитая светло-зеленым бархатом софа, ставшая, очевидно, любимым кушаньем моли.

Густо покрашенные зеленые глаза прищипили Джослина, как бабочку.

– Этот суп – дело рук вашей матери?

– Я вообще-то не собирался брать его с собой, но, похоже, ее наитие было... чудом, – ответил он с шутливой ноткой.

– Редко мне доводилось пробовать лучший, – обронила она сухо.

Точно таким же тоном могло быть сказано: «Ничего хуже в жизни не ела».

– Расскажите мне о себе. Кто вы?

– Джослин Бру...

– Я знаю. Дальше?

– Можно мне сесть? – елеиным голосом спросил Джослин.

Он был почти уверен, что ресницы у нее накладные, они загибались к бровям, как у диснеевской Минни Маус.

– Судя по вашей физиономии, сдается мне, у вас молоко на губах не обсохло, мой юный друг.

Несмотря на все резкости, он никак не мог до конца поверить в злой нрав дамы. Тем более при свете люстры, когда оказалось, что халат на ней бумазейный, цвета мимозы.

– Мне почти семнадцать. Я получил стипендию Хилари Эмерсона-Пила в Пенхалигон-колледже, чтобы...

– Чему вы учитесь?

– Я начал с физики.

Ее передернуло.

– Будете делать атомные бомбы?

– Похоже, у них есть будущее.

– Не зубоскальте, молодой человек!

Круглый столик подпрыгнул под обрушившимся на него кулаком. Митенка смягчила удар, да и сил у старой дамы было немного, но графин на столике жалобно взвизгнул, лампа заходила ходуном, а кошка выгнулась и зашипела.

– Миллионы человек погибли из-за этой мерзости. Пусть

это были наши враги – япошки, не умеющие даже пользоваться вилкой, – но это были люди. А те, что выжили, будут медленно умирать еще не одно столетие. Так что не надо, молодой человек, это не смешно.

В наступившей тишине освобожденно затикали позолоченные стенные часики в нише на стене.

– Да я и не думаю смеяться. Разве что сквозь слезы. Кому может быть смешно в семнадцать лет оказаться современником атомной бомбы?

Взгляд старой дамы на долю секунды смягчился. Ага, и у зеленого Дракона нашлась ахиллесова пята.

– Да уж, не хотела бы я быть в вашем возрасте, – нахмурилась она.

Он и сам бы не хотел. Безотносительно к бомбе.

– Я бросил физику через год. Никак не мог решить, что делать дальше. Вообще-то сейчас я изучаю музыковедение. По этому предмету Пенхалигон-колледж и присудил мне стипендию.

– Так вы музыкант?

– Играю немного.

Он сказал это с подобающей скромностью, но даму не так легко было провести.

– На каком инструменте?

– Фортепиано. На гитаре тоже, только позже начал учиться.

– Надо же, вундеркинд, да и только. И как вы играете?

Хорошо?

– Мне присудили стипендию, – напомнил он с обезоруживающей простотой.

– Значит, очень хорошо.

Черная митенка вытянула щупальце в направлении внушительных размеров предмета, скрытого в тени молескиновой ширмы.

– Сыграйте.

– Оно настроено?

– Вам видней.

Ну вот, сначала его судьбу решил суп из спаржи, а теперь настроение придурковатой старухи зависело от инструмента, к которому наверняка не прикасались не меньше полувека.

Джо сел и задумался. Так-так. Что же любят старые дамы?

Шопена. Шуберта. Романсы. Он поднял крышку, ожидая увидеть покрытые пылью клавиши, но они блестели, как отмытые косточки. Педаль поддалась мягко. Он взял несколько аккордов... Аллилуйя, не фальшивит. Дракон не сводил с него глаз, кривовато улыбаясь.

– Никто на нем не играет, но настройщик приходит взглянуть каждую весну. Я терпеть не могу, когда вещи портятся.

Он начал по памяти «Грезы любви» Листа, любимый ноктюрн его двоюродной бабушки Симоны. Мэй Уэст подошел и свернулся клубочком у ножки.

Всего несколько тактов... и гроыхнул кулак, завершив

его сольный концерт.

– Сироп для старых дур, вот это что. Чего-нибудь получше у вас не найдется?

Он заиграл «Хлеб с маслом» Моцарта, вальсок одним пальцем. Не сдаваться же сразу.

Закончив (играть пришлось недолго, эту вещицу зальцбургский гений сочинил, когда у него еще не прорезались зубы), Джослин повернулся на табурете. Дракон взирал на него свирепо.

– Вы умеете играть рег?

– Рег?

– Регтайм! – рассердилась она на его непонятливость.

– Гм. А ноты у вас есть?

– Там их целая папка рядом с ширмой.

Папка действительно нашлась на столике с выгнутыми ножками, увенчанными орлиными когтями.

Он выбрал *Maple Leaf Rag* Скотта Джоплина. Репертуар был незнакомый, но ему вдруг захотелось угодить старой дачке.

Несмотря на неделю трансатлантического простоя и неопытность в дробных ритмах, сыграл он талантливо и с душой. Пришла уверенность, ноты пустились в пляс, зазвучали выше, чище, виртуознее, как на сеансах Лорела и Харди и Чарли Чаплина в кинотеатре «Трианон», где Джо бывал маленьким, еще до войны.

Он закончил пьесу с чувством удовлетворения и искрен-

него счастья. Эта музыка ему по-настоящему нравилась.

Он заиграл *Pineapple Rag*... Руки летали по клавишам, пальцы неслись вскачь... Ему щекотала душу эта американская музыка, мелодии *gay nineties*<sup>13</sup> и старой дамы, сидевшей за его спиной.

В завершение он сыграл *Walking the Dog* Гершвина и, уменьшив стопку партитур на несколько сантиметров, остановился. Пальцы ныли, дыхание сбивалось, как будто он два часа звонил в соборный колокол. Артемисия открыла глаза, только когда он встал. Зеленые молнии ударили в Джослина.

Но это были молнии сожаления, благодарности, блаженства.

– Недурно, – только и буркнула она.

Дверь открылась. На пороге стояла миссис Мерл, прижав руку к судорожно вздымающейся груди.

– Это вы... музыкант?

Голос как будто прокрутили в стиральной машине.

– Ты не забыла постучать, Селеста? – прошипела ее сестра.

Джослин нутром чуял, что не в этом истинная причина ее раздражения. Миссис Мерл вошла – и улетучилось волшебство.

– Ну что ты, конечно, я стучала. Уже пять минут стучу. Вы не слышали. Юный виртуоз добивается невероятной силы звука, не правда ли, Артемисия?

---

<sup>13</sup> Веселые девяностые (англ.).

Пальцы Селесты Мерл лихорадочно, но методично перебирали верхние пуговики на платье. Ни одна их не избежала.

– Артемисия... Ты же знаешь, что я всегда говорила: в хороших домах обязательно должно играть пианино...

– В этот дом допускаются только женщины! – огрызнулась Артемисия.

– Ни одна из них на пианино не играет, – не сдавалась миссис Мерл. – А в каждом хорошем доме обязательно должно играть пианино.

– Вот заладила.

– Послушай, у меня есть идея... Что, если предложить молодому человеку нашу студию в подвале? Туда можно войти с улицы. С девушками он, можно сказать, пересекаться не будет.

Сердце Джослина отчаянно заколотилось. Мамин суп был первым шагом, неужели музыкальными упражнениями он заслужит отпущение грехов от этого двинутого дуэта?

– И навлечь на себя неприятности с полицейским участком 87-го округа за аморальное поведение?

– Неприятностей не будет, – горячо заверила миссис Мерл. – Это я беру на себя.

Несколько мгновений они словно играли в гляделки.

– Это приличный юноша.

– Месяц, – процедила сквозь зубы Артемисия, намотав на палец хвост Мэй Уэст. – Тридцать дней испытательного срока.

Миссис Мерл поспешно ухватила Джослина за плечо.

– Отлично. Идемте, Джо.

Артемисия подняла руку всё тем же генеральским жестом, останавливая наполеоновское войско.

– А в покер вы там у себя играете?

Вопрос второстепенный – на первый взгляд. Джослин сразу смекнул, как он важен... и какие за ним кроются ловушки. Не раздумывая, он солгал:

– Очень даже часто. С моим кузенком Вивианом, – мысленно умоляя себя не покраснеть.

Под ресницами Минни Маус заиграла садистская радость.

– Ваша кузина Вивиана? – переспросила она по-французски.

– Не *Вивиана* – *Вивиан*. *Кузен*, а не *кузина*.

– Что за чудачки эти французы, надо же додуматься награждать своих мальчиков именами девочек.

И она расхохоталась. Даже на лестнице, за закрытой дверью еще был слышен ее богатырский смех.

– Вот и славно, – заключила миссис Мерл. – Немного пианино и... гм, покер по разумной цене. Я завтра же приведу в порядок подвал.

Он не посмел спросить, собираются ли его замуровать в погреб или сбегать в гараж. У него целый месяц, будет время найти, куда перебраться.

Преспокойно совершив свой маленький домашний путч, Селеста Мерл сделала ему знак следовать за ней и привела

в комнату, очевидно, служившую дополнительной гостиной, на том же этаже.

Там стояла собачья корзинка, и лежала в ней, вполне предсказуемо, собака. Когда они вошли, песик открыл левый глаз, поднял соответствующее ухо и снова уснул.

– Наша комната отдыха, – сказала миссис Мерл, церемонно указав на стул. – Какая чудесная музыкальная гостиная здесь получится, не правда ли?

Широкое французское окно выходило на кирпичную террасу, вентиляционные трубы прятались под зарослями плюща. Он разглядел желтые, как подсолнухи, шезлонги, бутылочку лосьона на полу. Девушки, должно быть, загорали здесь в купальниках...

Джослин помотал головой, сосредоточив все свои мысли на миссис Мерл.

– Теперь я должна познакомить вас с правилами нашего маленького сообщества.

Она подчеркнула (жирно) революционный характер присутствия мужчины в «Джибуле» – вполне ли он это понимает? Он смиренно кивал. Она сообщила ему также, что мистер Чу из прачечной на Кэнал-стрит забирает белье по четвергам, что стоит это в среднем доллар двадцать пять центов, но за эту цену мистер Чу вернет его в следующий четверг выглаженным и сложенным.

– Вы, наверно, любите, чтобы ваши рубашки были накрахмалены, не правда ли?

Ей это казалось настолько очевидным, что он поостерегся упомянуть единственную на его памяти особу, любившую крахмал: свою двоюродную бабушку Симону, чьи твердые, как меренги, жабо царапали подбородок, когда приходилось с ней целоваться. Родные прозвали ее Марией Медичи.

Он вновь лишь кивнул.

Миссис Мерл помахала ключом на связке, где их болталось не меньше дюжины. Этот ключ, объяснила она, от двери в подвал, куда можно спуститься по лесенке с улицы. Конечно, в часы трапез ему разрешается ходить внутренним коридором, но только в общие комнаты – столовую, ванную и гостиную, если ему захочется послушать радио. Например, о выборах будущего президента Соединенных Штатов, которые состоятся уже скоро. Она сама очень любила радио, особенно передачи «Завтрак в Голливуде» и «Расследования мистера Мото». Что касается ванной, она позволит себе один совет...

– Пользуйтесь ею по вечерам. С утра все девушки скопом ломятся в дверь. Да, и еще, что касается доставки молока, у нас такое правило: кто первый проснется, тот заносит ящик с бутылками в холл.

Она отодвинула стул, убрала связку ключей.

– Завтра же сможете перебраться. Вот только Истер Уитти наведет там порядок. – Она наклонилась к нему и зашептала: – Я вижу, вы носите галстуки, это очень хорошо. Не подражаете этой ужасной богеме из Гринвич-Виллидж.

Что это за ужасная богема из Гринвич-Виллидж, он не имел ни малейшего понятия. Миссис Мерл поправила невидимую шпильку в причёске, огляделась вокруг, словно искала еще какое-то забытое указание, и, так и не найдя, откланялась.

Он еще немного посидел один. Месяц. Короткий срок... но достаточно долгий, чтобы устроиться.

С нижнего этажа доносились голоса, хихиканье, сдавленный смех.

Перед открытой дверью ванной он застал всех девушек.

– *Oh boy!* – воскликнула Шик. – Я забыла про мужской элемент в нашем обществе!

Она исполнила игривый пируэт, ухитрившись удержать на голове первый том «Полной истории американских железных дорог».

– Ставлю ужин с Кэри Грантом, святой Георгий победил Дракона?

– Так ты остаешься?

– Это ты играл на пианино? – спросила Пейдж и покружилась, раздувая плиссированную юбочку.

Она успела переодеться. Маленькие бантики, целая вереница, подрагивали, точно непоседливые утята, на ее левом бедре.

– А у меня новое платье.

– Красивое, – одобрила Шик. – Это... подарок Эддисона?

– Вот ехидна! За кого ты меня принимаешь, я не такая!

– Не знаю... А какая ты?

Шик сложила руки над головой на манер танцовщицы. Ткань, в которую она была задрапирована, как в тогу, поднялась до середины бедер.

– Вот ты, француз. Скажи, мы, по-твоему, элегантные?

– Да, давай колись. Как одеваются парижанки в Париже?

– ...

– New Look? С принтом? Перчатки? Шляпки? Без? Рассказывай.

Джослин вспомнил, как кузина Одетта в прошлом году тараторила о новой моде и каком-то «сногшибательном месье Диоре», как мама удлиняла свои платья, а Эдит забраковала воротники на пуговках.

– Я плохо в этом разбираюсь... Мои сестры носят юбки шире и рукава длиннее.

– Вот видишь, Манхэттен? Вот видишь, Шик? Я была права. Конец ограничениям! Удлиняем, расставляем, больше размаха... Иначе будем выглядеть как фермерши с Адирондакских гор.

– Фермерши с Адирондакских гор носят барахло от Abercrombie & Fitch. Кожаные штаны и трапперские рубашки. В твоём багаже нет шмотья от Abercrombie & Fitch, Джо?

Они рассмеялись. Джослин тоже, хоть и был смущен их количеством, их шутками, их красивыми нарядами и тысячей вопросов, которые не решался задать. Он почесал мочку уха и, промямлив какой-то предлог, покинул их.

До самого конца коридора его провожали их взгляды – орлиные, хоть и добродушные.

## 4

### I'm the Laziest Girl in Town<sup>14</sup>

Шик, Пейдж и Манхэттен закрылись в ванной.

– У него нос Джоэла Маккри, вы не находите? Он лапочка.

– И смиренный. Для француза, я хочу сказать.

– Может при случае послужить кавалером. Опасаться нечего, он такой молоденький.

Хэдли замотала свои каштановые кудри ярко-голубым полотенцем. Шик затынулась сигаретой и выдохнула дым в лицо своему отражению.

– В ванной не курят, – напомнила ей Пейдж.

– А я курю. Смотри-ка, у нас одинаковая зубная паста.

– Точно. Это моя.

Пейдж отвинтила крышечку и принялась чистить зубы. Манхэттен улыбнулась отражению Хэдли, которая натиралась голубым лосьоном.

– Красивая девушка не должна выглядеть такой усталой. Дай я помассирую тебе плечи.

– О, это было бы божественно, – вздохнула Хэдли, промокая лоб. – Я с ног валюсь. Хотелось бы мне быть лошадкой. Они умеют спать стоя.

Шик, облокотясь на ларь с бельем, внимательно изучала

---

<sup>14</sup> Я самая ленивая девушка в городе (англ.).

заклеенные пластырем пальцы на ногах.

– Когда ты вернешься к своей настоящей работе, Хэдли? – спросила она. – Немногим девушкам посчастливилось танцевать с Фредом Астером. Ты единственная из нас побывала в Голливуде. Тебе это могло бы пригодиться.

Хэдли молча вытирала щеки. Почти три года назад ей довелось сняться в фильме на студии «Парамаунт» – в кордебалете. Она танцевала, встряхивая розовыми юбками и ожерельем из помпончиков на шее. И да, на одной площадке с великим Фредом Астером. Двести пятьдесят долларов в неделю. Никогда Хэдли не была так богата. И не зарабатывала столько денег тем, что любила больше всего на свете.

– Лоретта заболела, и мне пришлось уехать из Голливуда, – тихо сказала она. – Я ведь была всего лишь одной танцовщицей из многих. У каждой был с ним выход на несколько секунд.

– Не просто «с ним», а с Фредом Астером. Жаль, что ты теперь попусту теряешь время.

– Надо на что-то жить, – еще тише проговорила Хэдли.

Шик всё еще рассматривала свои пальцы в белых капюшончиках.

– Ты, никак, жалеешь о серебряном рожке для обуви? – поддела ее Манхэттен.

– Если мой следующий парень будет таким же любителем танцев, как Ромео, я оставлю ему мои ноги на танцполе и сбегу. Пусть провожает их домой без меня.

– А мне бы хотелось, чтобы Эддисон чаще водил меня танцевать, – вставила Пейдж, сплюнув малиновый эликсир, которым полоскала рот.

– Из твоего Эддисона Де Витта тот еще танцор в семьдесят пять лет и с ревматизмом.

Пейдж чуть не захлебнулась эликсиром.

– Ах ты!.. Да ты... Эддисону вовсе не семьдесят пять! Ему нет даже сорока двух.

– Но тебе-то нет и девятнадцати, – вздохнула Шик, томно поглаживая свою брюнетистую челку. – Девушки питают слабость к зрелым мужчинам... Чем они старше, тем благодарнее.

– Ты уверена, что твои лодочки тебе впору? – перебила ее Манхэттен. (Она даже нос наморщила, чтобы осадить Шик.)

– Конечно. Мне бы еще убедить в этом мои пальцы.

– ...или найти новый рожок для обуви, – хихикнула Пейдж.

– Я тебе, кстати, должна пять долларов, Манхэттен, – продолжала о своем Хэдли, – но тебе придется еще чуть-чуть подождать.

Она присела на единственный табурет. Манхэттен начала разминать ей мышцы шеи. Хэдли закрыла глаза, голова ее покачивалась из стороны в сторону.

– Надо было заплатить хоть немного няне Огдена, – сказала она. – Эта карга сказала, чтобы иначе я его больше не приводила.

– Забудь про пять долларов. Купи себе на них «роллс-ройс сильвер».

– Спасибо, Манхэттен, но я тебе отдам, обязательно. Когда Лоретта вернется и заберет малыша, она всё оплатит, она обещала.

Двадцатилетняя Хэдли была самой старшей в пансионе, хотя со своей пухлой фигуркой, суетливыми движениями, веснушками и детским голоском всё еще выглядела подростком. Все в «Джибуле» знали, что ее старшая сестра Лоретта больна туберкулезом и на время долгого лечения в Южной Каролине оставила ей своего сынишку.

– Ты просто героиня, что занимаешься мальцом твоей сестры.

– Огден такой милый. Угадайте, что он сказал вчера? «Метро».

– Вундеркинд! – фыркнула Пейдж и выгнулась, застегивая молнию на спине. – Малютка готов в будущем году поступить в Гарвард.

Ухватив Манхэттен за подбородок, она повернула ее к себе и приподняла ей очки.

– Скажи, мне завтра нацепить окуляры, как у тебя, на прослушивание «Давай поцелуемся, Розалинда»?

– Ты уже позаимствовала шляпку у Шик, туфли на шпильках у Урсулы, каракулевого мантио у Эчики... Будет не Розалинда, а платяной шкаф. Оставь в покое мои щеки, пожалуйста, у меня пломбы держатся на честном слове.

Пейдж взвесила аргумент платяного шкафа и вернула на место нижнюю челюсть подруги и ее очки. Манхэттен опухла щеки, поправила оправу на носу.

– Ты права, – вздохнула Пейдж. – Просто сейчас столько шума, неразберихи... Я совсем запуталась. Во всех театральные школах, на всём Бродвее только и говорят о новых методиках актерской игры. В Актерской студии. В «Методе». Помните того парня в пьесе «Траклайн-кафе»? Джи-ай<sup>15</sup> возвращается домой и узнаёт, что его жена переспала со всеми соседями?

– Этот молодой бог, что появился в третьем акте? Он затмил всех. У него была тирада минут на пять, но зал встал. Остальным актерам пришлось ждать, пока публика успокоится. Брендон Марло, так, кажется, его зовут. Будь у него главная роль, – заключила Шик, – я непременно дождалась бы его у служебного входа, пофлиртывала.

– И зря не дождалась. Он с тех пор о-го-го как прославился в «Трамвае „Желание“». Он из конюшни Казана. «Метод» – это что-то. Я умира-а-а-аю хочу посмотреть этот «Трамвай», но остались только билеты по пять долларов. Этот Бардо в пропотевшей майке, говорят, убийнее бомбы Нагасаки. Да еще там... – она понизила голос, – ...сцена изнасилования в последнем акте.

---

<sup>15</sup> Джи-ай (*англ.* GI, обычно расшифровывается как Government Issue – «казенное» [обмундирование, оружие и т. п.]) – прозвище американских военнослужащих. – *Примеч. ред.*

Пейдж посмотрела на себя в зеркало в профиль.

– Да уж, моим майкам пока ничего не грозит. Грудь у меня в отца.

– Глобальный вывод, – сказала Шик, – засим всем пока, я иду ужинать.

Взявшись за ручку двери, она повернулась вполоборота.

– Пейдж? Избавь же наконец беднягу Эддисона от мучений.

– Мне его убить?

– Выходи за него замуж. Думаю, результат будет тот же.

– Ох, исчезни уже! Ты бы блистала в роли неизвестной. Вот чума, – буркнула Пейдж, когда дверь закрылась. – Вечно тычет мне возрастом Эддисона.

– Это разрыв с Ромео. Ей больнее, чем она хочет показать, – тихо обронила Манхэттен.

– Она меняет парней как перчатки. И подавай ей только набитых деньгами. Неудивительно, что остается с рожками для обуви.

– Черт побери! – всполошилась Хэдди. – Вы видели, который час?

Она сорвала с веревки пару чулок и подула в них, другой рукой лихорадочно подобрал юбку.

– Мистер Тореска меня убьет, – простонала она, сражаясь с резинками пояса и одновременно пытаюсь всунуть ноги в туфли на шпильках. – Я едва успею забежать поцеловать Огдена перед сном.

Подпрыгивая на одной ножке, с туфлей в руке она скрылась в коридоре. Манхэттен и Пейдж невозмутимо продолжали наводить красоту.

– Твой верный рыцарь зайдет за тобой сюда?

– Чтобы миссис Мерл встретила его как Джека-Потрошителя? Нет, я встречаюсь с Эддисоном в «Шато-Андре», французском кафе на Коламбус-Серкл.

Пейдж покосилась на подругу, которая протирала стекла очков рукавом свитера. Словно оголившееся без очков лицо Манхэттен было неожиданно совсем другим и, да, красивым.

– Ты тоже считаешь, что Эддисон стар? Слишком стар?

Манхэттен пожала плечиком.

– Если он тебя любит, если ты его любишь, какая разница...

– Ты самая добрая из всех нас, Манхэттен. Вот Шик, стервоза, мне заявила, что предпочла бы встречаться с молочником.

Пейдж расплела косы, намереваясь как следует их расчесать.

– А я уже встречалась с молочником, – вздохнула она, помолчав. – В Путнамс-Лендинге, мои родители держали там спортивный магазин. Бабник был еще тот, три десятка шkodливых рук. Мне не нравилась ни одна.

Щетка в ее руке повисла в воздухе, как бы задумавшись.

– Эддисон – он из другого мира. Он мне так нравится. Утонченный, обходительный, всегда элегантный... Знамени-

тый Эддисон Де Витт. Хроникер, решающий, жить или умереть любому бродвейскому шоу. А со сколькими людьми он меня познакомил! Знаешь, кто подошел к нашему столику поздороваться с ним на прошлой неделе? Франшо Тоун. Надеюсь, что и я ему нравлюсь. Мне кажется, встречаясь со мной, он чувствует себя моложе.

– У Эддисона наверняка есть и другие причины, не только твоя молодость, Пейдж. На тебя приятно посмотреть, ты с юмором и не дурочка. Это тоже имеет значение.

Манхэттен была хорошим товарищем. О ней мало знали, только что она хорошо танцевала, еще лучше рисовала, а Манхэттен ее все звали, потому что родилась она в Манхэттене, штат Канзас. Есть такие девушки, которые плевать хотели на свою привлекательность. А привлекательной она между тем была. Без этих кошмарных очков, конечно. Пейдж пришло в голову, что они служат ей буферами.

– Твой новый цвет – что-то потрясающее, – сказала она искренне. – Этот темный блонд просто божественно тебе идет.

– Спасибо. Я всё еще не узнаю себя в зеркале.

Пейдж подумала, что, будь она, как Манхэттен, близорука, наверняка бы тщательно это скрывала. Эддисону она уж точно понравилась бы меньше с буферами на носу.

Она закрепила шляпку булавкой, расправила складки розовой вуалетки.

– Вы куда сегодня? – спросила Манхэттен.

– На новый фильм с Джеймсом Стюартом. Называется,

кажется, «Удавка» или что-то в этом роде.

– «Веревка».

– Что?

– Фильм называется «Веревка». Удивительно всё-таки, что ради банального киносеанса ты выпросила у меня чесучовое<sup>16</sup> платье-футляр и на два часа оккупировала ванную.

– Я хочу быть в пике своей красоты, когда Джимми Стюарт будет смотреть на меня с экрана. А ты куда-нибудь идешь?

– Слава богу, нет. Завтра у меня тяжелый день. Первая репетиция в «Рубиновой подкове». Я четырнадцатая слева в кордебалете. Так что сегодня вечером – ромашка, грелка под одеяло и... баиньки.

Вздернув подбородок, Пейдж в последний раз придиричиво рассмотрела линию бровей.

– По правде сказать, – вздохнула она, – в твоём платье я выгляжу на целых полгода старше.

\* \* \*

Неоновые огни «Платинума» слепили сквозь ветровое стекло. Хэдли выскочила из такси.

– Сдачу! – гаркнул шофер.

---

<sup>16</sup> Чесучá (*кит.* чи-сун-ча, чусуча) – плотная ткань из шелковых нитей, обычно имеет естественный кремовый или песочный цвет. Была в большой моде в 1940-е годы.

– Оставьте себе. Накопите на «Плазу».

Тридцать два цента... Такие широкие жесты ей совсем не по средствам, а такси и вовсе чистое безумие, но время поджимало. На 8-й авеню ветер раздувал навес с монограммой «Платинума» и синие с золотом фалды ливреи Отто, швейцара, отгонявшего машины гостей на стоянку. Порывы один другого сильнее толкали Хэдли к служебному входу.

– Привет, Ник. Мистер Тореска пришел?

Портье покачал головой. В раздевалке Хэдли застала Ванду, уже в форме.

– Я толстею? – спросила ее Ванда. – Или это мир подсел?

Красивая смуглая брюнетка Ванда Уньялунга каждое утро разглаживала волосы утюгом и мазалась светлым тональным кремом, чтобы скрыть карамельный цвет кожи полукровки. Она жила в Гарлеме, что тоже скрывала. Узнай кто правду, это стоило бы ей места, ибо в «Платинуме» дискриминация распространялась и на служащих. Она была кубинкой, но знала об этом только Хэдли.

– Мистер Тореска здесь?

– Он не заметил твоего опоздания, если ты об этом. Марго Ченнинг оказала нам честь поужинать здесь, так что он бежит как подорванный.

– Марго Ченнинг!

Это был один из плюсов ее работы: возможность видеть за столиками «Платинума» всех звезд нью-йоркской сцены компенсировала боль в ногах и мозоли на пятках. Хэдли

молниеносно разделась и натянула рабочий костюм.

Формой сигарет-гёрл в «Платинуме» был белый редингот<sup>17</sup>, отделанный золотым шнуром, длиной чуть ниже бедер. Из-под него девушки демонстрировали ножки, обтянутые черным нейлоном; наряд дополняли огромный бант из тафты на ягодицах и лакированные ботиночки.

Хэдли побежала в туалет причесаться и попудриться. Следом пришла Ванда, за ней Пегги, третья сигарет-гёрл в клубе.

– Через два дня получка, и всё уйдет на оплату счетов, – вздохнула Пегги. – Я подумала, не продать ли мне ток<sup>18</sup> изнутри. Выручила бы тридцать долларов. Представляете? Одна моя идея стоит мне тридцать долларов. Даже думать мне уже не по карману.

Пегги повела круглым, как луковка, носиком, придававшим ее лицу комичное выражение, даже когда она была серьезна. Ванда закатила глаза.

---

<sup>17</sup> Редингот – удлиненный приталенный жакет, первоначально – часть костюма для верховой езды.

<sup>18</sup> Ток – шляпка без полей.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.